

И. В. Воронцова

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
МОСКВА, РОССИЯ

М. А. Новосёлов в 1880–1890-х годах. От толстовства — к мистическому опыту богопознания

Аннотация. Михаил Александрович Новосёлов принадлежит к тем культурным деятелям России, чья пытливая мысль в конце XIX века искала новые смыслы своей и общественной жизни в условиях историко-культурной модернизации России, а в начале XX века утверждала их в христианстве. С раннего возраста Михаил Новосёлов был знаком с Л. Н. Толстым, а затем увлёкся творчеством писателя и его учением, выбрав себе образцом для подражания его метод познания истины жизнью. История их отношений отложилась в письмах Михаила Новосёлова 1880–1890-х годов, а сборник его сочинений «Письма к друзьям» содержит сведения об изживании М. А. Новосёловым толстовства. Рациональное отношение Л. Н. Толстого к христианству многим его сторонникам и подражателям не давало ту глубину мысли и теплоту религиозной веры в живого Бога, которые транслировало в мир отрицаемое Л. Н. Толстым церковное христианство. М. А. Новосёлова и Л. Н. Толстого связывали искренние дружеские отношения, и даже чувствуя, что Новосёлов отдаляется от

него, писатель подыскивал и рекомендовал ему религиозную литературу. В 1903 году, уже бывший толстовец, М. А. Новосёлов окончательно разорвал отношения с тем, кого воспринимал как учителя, и встал на самостоятельный путь богопознания. Этот путь привёл его в Православную Церковь и продолжился духовным наставничеством Новосёлова других людей, блуждавших в поисках истины в эпоху, когда под натиском безрелигиозного гуманизма под угрозой оказалась апологетическая парадигма русского православия.

Ключевые слова: Михаил Новосёлов, толстовство, Лев Толстой, мистическое богопознание

Для цитирования: Воронцова И. В. М. А. Новосёлов в 1880–1890-х годах. От толстовства — к мистическому опыту богопознания // Ортодоксия. — 2023. — № 2. — С. 116–135. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-2-116-135

Канонизированный Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 года, Михаил Александрович Новосёлов почитается как святой мученик Русской Церкви. Известна его 9-летняя стойкость во время ссылки и тюремного заточения, его бесстрашное обличение безбожной власти, по приказу которой он был расстрелян в 1938 году. Небольшие книжки новосёловской «Религиозно-философской библиотеки» и в XXI веке не утратили актуальность. Но что известно о ранних годах его жизни? Очень немногое. Полноценных исследований по этой теме нет. Обширная статья Е. С. Полищука, ставшая двадцать восемь лет назад предисловием к сборнику Михаила Александровича «Письма к друзьям», и сегодня служит главным источником для немногих авторов, размещающих материалы о М. А. Новосёлове в печати и на православных интернет-сайтах. Представив всю биографию М. А. Новосёлова, Е. С. Полищук охватил и годы, проведённые Михаилом Александровичем в толстовстве.

Остальные труды¹ посвящены М. А. Новосёлову, уже примкнувшему к православию. О его участии в иосифлянском движении, годах его преследования, беспримерно стойком исповедании Новосёловым его религиозных и политических взглядов рассказал В. И. Марченко. Роль М. А. Новосёлова в создании сборника документов, освещающих события, связанные с выходом Декларации 1927 года митрополита Сергия (Страгородского), исследовала историк О. В. Косик. Опубликованная в 2013 году Е. С. Полищуком переписка М. А. Новосёлова с Ф. Д. Самариним (Переписка мученика Михаила Новосёлова с Ф. Д. Самариним 2013: 425) также начинается с тех лет, когда Михаил Александрович уже определил свой путь. В 2014 году вышел тоненький сборник под громким названием «Избранные труды» М. А. Новосёлова (Новосёлов 2014), он состоял из эпистолярных документов, избранных составителем, и в него не вошли лучшие сочинения М. А. Новосёлова до 1917 года. В 2020 году в «Русско-византийском вестнике» СПбДА была опубликована статья исследователя русской религиозной мысли В. А. Фатеева о книге протоиерея Ф. Андреева, посвящённой философии Ф. Д. Самарина (Фатеев 2020). В ней уделено место Новосёловско-Самаринскому Кружку, в связи с чем отдана дань памяти и М. А. Новосёлову. Не так давно опубликовано исследование по экклезиологии М. А. Новосёлова последних лет его жизни (Ермилов, Паромов 2019). Отрадно, что богословская мысль Михаила Александровича не осталась без внимания. Но в списке этих работ нет исследования, в котором ставился бы вопрос о том, какие толстовские идеи были переосмыслены Михаилом Александровичем. Расставшись с писателем, М. А. Новосёлов оставался верен мнению о большом культурном значении Л. Н. Толстого, считая, что он своими сочинениями всколыхнул религиозную мысль России, и включал знакомые ему статьи Л. Н. Толстого в сборники своей «Библиотеки», отбирая страницы, отвечавшие общей теме сборника².

Что известно о трансформации у М. А. Новосёлова толстовских аспектов на рубеже XIX и XX веков, когда бывший толстовец разрывал отношения с тем, кого более десяти лет почитал как духовного учителя и воспринимал как истинного христианина? Что в толстовстве было

¹ Марченко В. А. Мученик Михаил Александрович Новосёлов. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Novoselov/muchenik-mihail-novoselov/; (Косик 2009).

² Так, например, обстояло дело с 10-м выпуском «Библиотеки». Сборник назывался «Религия и нравственность». М. А. Новосёлов открыл его одноимённой статьёй Толстого 1893 года, выбрав те страницы, где писатель утверждал религию источником нравственности.

переосмыслено Михаилом Александровичем в переходный для него период? Встречаем ли мы остаточный след в тщательно подобранных им текстах тематических выпусков «Религиозно-философской библиотеки»?

Прежде всего Михаил Новосёлов пересмотрел присущий Толстому рациональный подход к христианству — как к очередной *человеческой* религии в ряду многих других, бывших в истории; а также признание Христа одним из многих проповедников, создавших и оставивших следующим поколениям своё учение; он отказался от *одностороннего* толкования наследия Христа как морально-нравственного учения. И сохранил то отношение к церковной иерархии, которое было характерно для толстовцев. Не исчезло в 1890-х годах и его видение христианской Церкви как «организации» со всеми её внешними признаками. Все эти аспекты у Михаила Александровича тем не менее претерпевали трансформацию, богословское видение их в традиционном поле было сформулировано им в позднейшие годы.

Источниками выбраны тексты писем Михаила Новосёлова 1880–1890-х годов, письма к Ф. Д. Самарину начала 1900-х и первая книга его «Религиозно-философской библиотеки», в них должны были отложиться его размышления конца 1890-х годов, а также сборник позднейших сочинений — «Письма к друзьям», где мы имеем итог его раздумий и подвига изживания толстовства в 1890-х годах.

В письмах к Л. Н. Толстому 1880-х годов перед нами предстаёт искренний, увлекающийся и увлечённый открывшимися перед ним жизненными возможностями молодой человек. В 1882 году Михаил Александрович с золотой медалью закончил 4-ю Московскую гимназию, где начальствовал его отец, а в 1886 году — филолого-исторический факультет Московского университета. Имеющийся в распоряжении исследователей комплекс писем М. А. Новосёлова к Л. Н. Толстому начинается с этого, 1886 года. В них выпускник университета делился планами с писателем и сообщал, что он намерен получить профессию врача как предоставлявшую возможность реально помогать страждущим людям. То есть у молодого М. А. Новосёлова наблюдается типичная для молодёжи тех лет тяга к естествознанию и желание быть полезным обществу. Но отец против его решения, и М. А. Новосёлов уезжает в деревню, где готовится к педагогической деятельности и здесь в перерывах между умственными занятиями занимается крестьянским трудом, испытывая от этого не только физическое, но и душевное удовлетворение, потому что это сближает его с народом.

Оба родителя М. А. Новосёлова были из священнических семей. Но отец, Александр Григорьевич, педагог по образованию, не пошёл по церковной линии, а служил директором Тульской, а затем одной из московских гимназий. Можно предположить, что в семье М. А. Новосёлова верили в Бога, но, вероятно, так, как это было распространено в среде образованных людей того времени: это были либо остатки детской веры, либо результат личного осознания нравственной необходимости религии. Е. С. Полищук отмечал, что бывавший в Туле Л. Н. Толстой знал отца М. А. Новосёлова и пользовался его рекомендациями в выборе учителей для домашнего обучения своих детей. Вполне вероятно, что Александр Григорьевич рекомендовал писателю учителей, близких Л. Н. Толстому по мировоззрению. Таким образом, через отца Михаил Новосёлов мог быть уже с детства знаком с Л. Н. Толстым и взаимодействовал с определённой мировоззренческой средой. Молодой Михаил Новосёлов делился с наставником мечтами, событиями из личной жизни, сообщал о своих текущих занятиях. В 1887 году умирает отец, и Михаил Александрович оказывается перед самостоятельным выбором своей дальнейшей деятельности. Логично думать, что Л. Н. Толстой, приобретший мировую известность, для него в тот момент был авторитетом ничуть не меньшим, чем покойный отец, и Михаил Александрович решает остаться в статусе «земледелца от трудов своих». В дальнейшем эпистолярное общение Л. Н. Толстого с М. А. Новосёловым приобрело форму наставничества по новосёловской инициативе. А Лев Николаевич в 1880-х годах уже утратил доверие к Церкви, подверг резкой критике основные догматы православной веры — Боговоплощение, воскресение из мёртвых, все церковные таинства и составлял собственное «Четвероевангелие»³.

В 1886–1887 годах М. А. Новосёлов преподавал в женской классической гимназии. В один из дней 1887 года у него на квартире собрались будущие организаторы толстовских общин (М. В. Алехин, В. И. Скороходов, И. Б. Файнерман, И. Д. Ругин), чтобы обсудить устройство интеллигентских поселений. Решено было создать по всей России сеть малых земельных общин, которые сеяли бы «свет» по всей стране. Общины планировали разместить в Тверской, Смоленской, Самарской, Харьковской, Полтавской, Киевской губерниях и на Кавказе. М. А. Новосёлов с энтузиазмом участвует в осуществлении этой идеи. На доставшиеся ему после смерти отца деньги он купил землю в с. Дугино Вышневолоцкого

³ «Соединение и перевод четырёх Евангелий» (1880–1881).

уезда Тверской губернии и организовал здесь одну из первых в России толстовских земледельческих общин. В том же году, переписывая и размножая на гектографе произведения своего учителя, он «издал» и запрещённую брошюру Л. Н. Толстого, критиковавшую внутреннюю политику императора Николая I. После полицейского обыска квартиры Михаил Александрович был арестован. От высылки в Сибирь его спасло личное вмешательство Л. Н. Толстого, явившегося в Московское жандармское управление: он заявил, что преследования за статью «Николай Палкин» должны быть направлены прежде всего против её автора. К писателю, имевшему мировую известность, не стали применять карательных мер, а М. А. Новосёлова освободили под полицейский надзор с запрещением проживать в обеих столицах. «Он уже до такой степени проникается “толстовством”», пишет Е. С. Полищук, что ему начинает казаться, что сам Толстой не вполне отвечает духу «великого учения» (Полищук 1999: VII). «...В двух письмах... с резкостью, бескомпромиссностью, но и бесцеремонностью юности Новосёлов “умоляет”, но и укоряет и едва ли не бичует “великана русской литературы”, “учителя жизни”, да в конце концов — просто старого, умудрённого житейским опытом человека за то, что его жизнь расходится с его учением» (Полищук 1999: VII).

По сведениям историка Е. В. Агарина, одновременно в общине М. А. Новосёлова проживало около 15 взрослых человек обоего пола. Общее же число посещавших её или работавших в ней было около 40. Это немалая психическая и физическая нагрузка для её руководителя, не говоря уже об экономической стороне дела: не всякого пришедшего в общину погостить удавалось настроить на производительный труд. Например, в соседних с новосёловской общинах «незавидное хозяйственное положение, само по себе не являвшееся центральной проблемой общины, дополнялось постоянными спорами и конфликтами... которые происходили по разнообразным поводам, обильно возникавшим в ходе практики трудовой жизни и взаимоотношений с крестьянским населением» (Агарин 2016: 166). Общины не существовали более трёх лет, непривычная к сельскому труду интеллигенция быстро испытывала физическую усталость и психическое истощение. Единственное, что могло её укреплять, — наблюдение за тем, как трудовой народ держится верой в Христа. Иногда интеллигенцию поддерживали беседы на религиозные темы с теми выходцами из священнических или диаконских семей, которые приходили в общины. Также общинников объединял не только земледельческий труд, но и особое, «толстовское» воззрение на христианство,

в помещениях не было икон, а члены общины редко бывали в церкви. Толстовцы жили идеалами нравственного самосовершенствования и труда, надеждой обрести гармонию в себе, в отношениях с обществом и с окружающей действительностью.

Земледельческая и школьно-просветительская деятельность, которой занимались общинники М. А. Новосёлова, в конце XIX века уже не была чем-то необычным. Православный педагог С. А. Рачинский, начав со школы для крестьянских детей в своём имении «Татево», к концу века развернул целую сеть мужских и женских школ для народа. В конце 1880-х годов помещик Н. Н. Неплюев из крестьянских воспитанников своей Крестовоздвиженской школы организовал трудовое братство. В Крестовоздвиженском трудовом братстве законом был совместный труд на земле и братское отношение друг к другу. Здесь воплотился неплюевский идеал общинной христианской жизни согласно «дисциплине любви», т. е. своду правил, составленному Н. Н. Неплюевым. Жизнь общинников, обучение и воспитание крестьянских детей у Н. Н. Неплюева и С. А. Рачинского проходили в неразрывной связи с Русской Православной Церковью и её вероучением, здесь бывали и совершали церковные таинства назначенные Церковью священники. Трудовые общины толстовцев не имели такого укрепления. В её первоначальном виде община в с. Дугино закончила своё существование в январе 1892 года, когда Михаил Александрович передал землю по дарственной А. А. Черняевой (матери одной из участниц общины), а сам решил участвовать в толстовской кампании помощи голодающим губерниям; большая часть толстовцев разъехалась.

Толстовство родилось как религиозно-этическое учение и стало известно с печатанием сочинений Л. Н. Толстого «Исповедь», «В чём моя вера», «О жизни». Л. Н. Толстой искренне описал историю своих духовных исканий и экзистенциальный кризис, который испытывает человек, утративший смысл жизни; он передал чувство метафизического одиночества человеческой души, лишённой веры. В 1884 году Л. Н. Толстой изложил основы своего учения в религиозно-философском трактате «В чём моя вера». Лев Николаевич, не признававший сопротивления злу насилием и не одобрявший формального отношения к социальному злу зависимой от государства Русской Церкви, пришёл к выводу, что он *один* по-настоящему понял Христа и Его учение.

Он был не первым, кто, изучив Евангелие, решил, что в нём нет слов Самого Христа о том, что Он Сын Божий, и это мнение апостолов.

Французского экзегета и католического модерниста А. Луази в те же годы мучили те же вопросы и те же доводы, но он искал *научные* методы апологии бытия Божьего и евангельских событий. В 1902 году в книге «Евангелие и Церковь» он отделил исторического Христа от Христа Евангелия и считал «исторический критицизм» лучшим методом убеждения в достоверности евангельских событий. Лев Николаевич шёл другим путём, декларируя упрощение во всём, даже в познании Евангелия. Как он сформулировал это в 1896 году в статье «Как читать Евангелие и в чём его сущность», — при чтении надо выбирать в Евангелии лишь простое и понятное, что, по Л. Н. Толстому, и «составляет сущность учения Христа», а всё непонятное и мудрёное — написано евангелистами от себя. Желание опростить взаимодействие человека с миром и одновременно устроить его жизнь по евангельским заповедям, уйти от сложной церковной догматики к одному только Нагорному учению, показать сущностью христианства — мораль, а проповедь Христа о спасении верой — этическим учением, — привело Л. Н. Толстого к мысли, что учение Христа укладывается в пять заповедей нравственного плана. Сформулированные Толстым как «сумма Евангелия», они не имели отношения к Нагорной проповеди Спасителя⁴, которая, по Толстому, содержала в себе всё, что есть главное в учении Христа.

24-летний М. А. Новосёлов не случайно в конце 1880-х годов до самозабвения увлёкся учением Л. Н. Толстого: общественная мысль России совершала разворот к нравственным основам веры, к моральной апологии христианства. Это было не столько ново, сколько вдохновляло обещанием свободы от церковного устава и школьного богословия, направляло в сторону кантианства, вело к многообещающим религиозным учениям; мир представлялся пространством свободы, в котором человек подчиняет себя самостоятельно выдвигаемым правилам. В центр этой тенденции были поставлены исторический Иисус Христос-человек и заповедь о любви к ближнему, которая в начале XX века приобрела социологический окрас. Толстовством увлекались люди, не утратившие религиозного чувства и пафоса народничества, вдохновлённые новой идеей сближения

⁴ 1. Не обижать никого и делать так, чтобы ни в ком не возбудить зла. 2. Не любезничать с женщинами; не оставлять той жены, с какой сошёлся. 3. Ни в чём не клясться. 4. Не противиться злу, не судить и не судиться. 5. Не делать различия между своим отечеством и чужим, потому что все люди — дети одного Отца.— Толстой Л. Н. Краткое изложение Евангелия. Гл. IV — URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/religiya/kratkoe-izlozhenie-evangelija/glava-iv-carstvo-boga.htm> (дата обращения: 10.05.2023).

с народом — через веру. Для этого слоя толстовство стало социальной практикой спасения, подменявшей действительный путь. Это были годы, когда идея народничества, потерпев поражение в политическом поле, трансформировалась в другие формы. Две из них, близкие друг другу в истоках, — толстовство и религиозное народничество — оформлялись как течения и впоследствии начали своё противостояние Православной Русской Церкви.

Очевидно, что вдохновенное следование учителю должно было привести М. А. Новосёлова к творческому осмыслению толстовской идеи «опрощения». К началу 1890-х годов он оказался свидетелем того, что 10 организованных его единомышленниками земледельческих общин в силу внутренней нестабильности прекратили своё существование. Это могло навести на мысль о неприменимости к жизни толстовских идей. Во время участия в организованной Л. Н. Толстым кампании помощи голодающим Рязанской губернии М. А. Новосёлову пришлось столкнуться лицом к лицу со смертью, и сам он переболел тифом. Начиная с 1886 года М. А. Новосёлов по рекомендации Толстого прочёл немало богословских книг (Письма М. А. Новосёлова к Л. Н. Толстому 1994: 386). Они дали ему, как он отмечал, «существенно необходимые знания», он осмыслял христианство, оставаясь в его толстовской версии. М. А. Новосёлов познакомился не только с книгами протестантских богословов, рекомендованных Толстым, но, по примеру учителя, и с буддизмом и последний отверг как «холодное» и «мертвенное» учение. Протестантское богословие, отдававшее долг историческому Христу, склоняло к размышлениям. Для М. А. Новосёлова всё отчётливее проявлялось, что в центре учения Толстого стоит совсем не Христос. И когда в одной из бесед с учениками о религиях Лев Николаевич сказал, что считает Христа самым «пре-неприятным господином» и не хотел бы встретиться с Ним в жизни, это стало для М. А. Новосёлова потрясением. Слова Толстого, написал С. Н. Дурылин, «резко, ножом, навсегда резанули... по сердцу» (Ардов 2008: 133) М. А. Новосёлова. Начался процесс отчуждения Михаила Александровича от толстовства.

В 1890 году М. А. Новосёлов всё ещё был категорично настроен по отношению к исторической Церкви, воспринимая её как наследницу «внешней» организации, которой постепенно стали первохристианские

общины. Когда в 1890 году друг М. А. Новосёлова М. В. Алёхин⁵ предложил создать из их общин «братство», объединённое признанием «известных религиозно-моральных норм», у М. А. Новосёлова это вызвало неприятную ассоциацию с церковью как с чем-то «внешним» и необязательным⁶. Но в том же письме Новосёлова 1890 года встречается указание на то, что Михаил Александрович в своём представлении уже соединял христианство и духовность, и целью христианства он назвал Царство Небесное.

В 1893 году некоторое время он жил в одной из сохранившихся земледельческих общин — трудовой колонии интеллигенции в имении «Мыз-Кубач», в 12 верстах от с. Дугино, но ушёл оттуда и навсегда закрыл для себя эту дверь⁷. Решающую роль в перемене мировоззрения Михаила Новосёлова сыграло его общение с духовными старцами из Оптиной пустыни и Смоленского Зосимовского монастыря, а также встречи со святым праведным протоиереем Иоанном Кронштадтским. Мы не знаем содержания их бесед, но несложно предположить, что М. А. Новосёлов делился с собеседником мыслями Л. Н. Толстого о Христе и услышал в ответ, что это учение человеческое. А есть ещё учение Божье. Оно доступно, и оно в Церкви. Эта простая мысль способна перевернуть сознание человека. Впоследствии Михаил Александрович будет в разных формах выражать эту мысль: зачем фантазировать о том, в чём состоит учение Христа, если все ответы есть в Церкви. Если мы посмотрим на названия книг, изданных Михаилом Александровичем в первые годы XX века, то увидим, что искомое прежде в толстовстве открылось ему в новом свете.

Л. Н. Толстой не был неискренен: он опирался на веру в социальную мораль, чистота её и была для него высшей истиной, с которой он связал своё нравственное Евангелие. «Сердцем, — писал Толстой («В чём моя вера»), — я любил в христианстве то, что, по моему разумению, составляло его сущность: любовь, смирение, кротость, возмездие добром за

⁵ Алёхин Аркадий Васильевич (1854–1918) — бывший студент Петровской сельскохозяйственной академии, примыкал к народникам, потом стал последователем Толстого; весной 1888 года организовал земледельческую общину, просуществовавшую около двух лет. Затем вернулся в православие, в конце жизни присоединился к баптистам.

⁶ Письмо от 7 октября 1890 года: (Письма М. А. Новосёлова к Л. Н. Толстому 1994: 413).

⁷ В апреле 1893 года приобретший это имение В. И. Скороходов ликвидировал общину. Причиной стала, по словам Скороходова, тяжёлая атмосфера на «Мызе»: «Чувствовалось, что люди не живут настоящей жизнью, и как бы случайно выбитые из колеи, временно терпят создавшееся положение» (Агарин 2016: 169).

зло». Тема живой сердечной веры как ступени от душевного богопознания — к познанию духовному, осмысленная М. А. Новосёловым в 1890-х, была изложена им в его первой книге (1902). Содержание книги показывает, сопоставляя путь знания и путь веры, Новосёлов воспринял путь «внутреннего опыта», который приобретается лично, в молитве. «Путь веры⁸, — писал он, — искреннее... многоплоднее и общедоступнее» (Новосёлов 1901: 7). Только учение, воспринятое через «откровение верою», ведёт к познанию Божественной Истины, убеждал он читателя, и цитировал прочитанных им Климента Александрийского, блаженных Августина и Иеронима, аргументируя этим мысль, что рациональная вера не даёт действительного боговедения. Рассудочное ведение, которое в 1902 году М. А. Новосёлов назвал «душевым ведением», не только не в силах понять духовное ведение, но даже коснуться его, более того, навык душевного ведения, писал М. А. Новосёлов, становится большим препятствием к ведению духовному. Этот акцент указывал на то, что любимому ученику Л. Н. Толстого открылась причина экзистенциального одиночества автора «Исповеди».

Л. Н. Толстой в статье «Религия и нравственность» сформулировал в 1893 году своё убеждение в том, что религия — это выработанное человеком отношение к «бесконечному миру» и его первопричине. Мысль о безблагодатной участи Толстого (одинокое даже в кругу своей семьи) М. А. Новосёлов выскажет в 1901 году, в «Открытом письме» бывшему наставнику. Напечатанное в журнале «Миссионерское обозрение», оно не найдёт понимания у Толстого. Если для писателя сущность религии состояла в «ответе на вопрос: зачем я живу и какое моё отношение к окружающему меня бесконечному миру», то для М. А. Новосёлова сущностью христианской религии стала истина о том, что Христос есть Бог. Для М. А. Новосёлова стало очевидно, что писатель, отвергнув божественность Христа, лишил себя самой возможности иметь помощь свыше для понимания истины. Он понял, что дорогой ему человек не может «выйти из заколдованного круга собственного “я”» и увлёт за собой неопытные души. «Вы отделяете истину от христианства, хотя... заявляете, что до сих пор истина совпадает для Вас с христианством» (Новосёлов Открытое письмо графу Л. Н. Толстому 1901: 833). «Вы... — объяснял ему Михаил Александрович в открытом письме, — не имеете того духовного опыта, который... помог бы

⁸ Курсив М. А. Новосёлова. — И. В.

Вам отличить любовь Христову от естественной благонастроенности, благодатную кротость от самообладания (или природной тихости), смирение от снисходительности» (Новосёлов Открытое письмо графу Л. Н. Толстому 1901: 832). Естественные или полученные в процессе семейного и социального воспитания наклонности и добродетели были для толстовцев *востребованной* в человеческом общежитии истиной. Пафосная оценка этого, вместе с личным состраданием народу, могла направить их на нравственный подвиг, но совершать его было сложно без духовной опоры и не безошибочно (в рядах «обновителей» Русской Церкви в начале XX века было немало толстовцев). «Пока не осознана эта основная цель *жизни мистической* (курсив мой. — И. В.) христианина, — писал М. А. Новосёлов, — пока она не воспринята в душу, до тех пор всё в религиозной... жизни будет неясно, спорно, путано, неверно, фальшиво, бессмысленно» (Новосёлов 1994: 7). «Открытое письмо графу Л. Н. Толстому», в котором он признавался в неприятии позиции, сохранявшейся писателем после акта отлучения его от Православной Русской Церкви, закрепило разрыв М. А. Новосёлова с толстовством.

М. А. Новосёлов отверг и ставший популярным взгляд на христианство как тип социального единства и назвал социальную жизнь «суррогатом утерянной духовной жизни».

В 1901 году Михаила Александровича в Петербурге ещё принимали за толстовца. При появлении его на заседаниях Петербургских Религиозно-философских собраний интеллигенция ждала от него поддержки выдвинутого ею тезиса о том, что свобода человека предусматривает субъективный религиозный поиск. На заседании, обсуждавшем доклад С. М. Волконского о необходимости введения в Российской империи свободы совести⁹, М. А. Новосёлов высказался критично о тех, кто продвигал эту идею. «Решения не только этого, но и многих вопросов, мучающих нас, состоят в том, чтобы встать каждому перед лицом Христа... стать общником Его жизни... приобщившись к Нему... Мы забыли Его таким, каким Он появился... — говорил М. А. Новосёлов. — Некоторые из тех, которые считаются руководителями и учителями, совершенно искажают христианство, отрицают в нём Крест... Таинство распятия... Другие много говорят о тайне Крови, Плоти, но слишком слабо сами приходят к этому Таинству и слишком мало призывают других. ...Интеллигенты православные до того утратили живое отношение к христианству, что кроме

⁹ Доклад назывался «К характеристике общественных мнений по вопросу о свободе совести».

внешних форм церковных у них трудно что-нибудь найти» (Записки 1906: 198–199). Противоречия, связанные с вопросом о свободе совести, продолжил он, снимаются только *приобщением* каждого той Истине, которая делает человека свободным.

Противостояние М. А. Новосёлова рационализму в христианстве продолжилось и в позднейшей книге Михаила Александровича «Догмат, этика и мистика в составе христианского учения» (Новосёлов 1912). Он счёл необходимым установить «органическую связь» между крайностями в воззрениях на христианство и высказался о догматизме как способе мыслить веру. Догматизм для М. А. Новосёлова ничем не лучше толстовского рационализма. В своей книге он настаивал на том, что появление догматических формул привело Церковь к «безжизненному» догматизму в школьном богословии. Однако это не было толстовским отрицанием догматики. Он противопоставлял догматизм тому ясновидению, которое наступает в процессе собирания духовного опыта. «Безжизненность» для него была в том, что догматизм подменяет «живую веру» и «духовное ведение».

Однако, рассуждал он, само по себе духовное ведение не спасает от рационализма: оно нуждается в «образах, аналогичных естественным внутренним опытам и состоянию человека», а «ясность непосредственного религиозного созерцания» легче всего достигается логическим путём, и если нет духовного опыта, происходит подмена: «правильное движение к Истине» заменяется «правильным мнением об Истине». Так, по М. А. Новосёлову, перевес в богопознании «рационального элемента» убивает «процесс искания».

По М. А. Новосёлову, «живой процесс духовного развития» должен и может привести ищущего к тому знанию о Боге, которое содержится в догматической формуле. Вера как «ощущение (обличение)» невидимого, «слышание» спасительного действия Тайны Искупления, претворяющееся в «боголюбивое деяние» (гораздо более трудное в осуществлении), и есть, по М. А. Новосёлову, органический путь живого богопознания и богообщения.

В переходный период Михаил Александрович не мог не обдумывать и трактовку Церкви как организации «внешней» для христианского учения. У М. А. Новосёлова формируется богословское мнение о двух образах её существования: «Церкви-организме», к которой он отнёс вставших на путь богопознания и обладающих доступным *нравственным* человеку боговедением, и «Церкви-организации», в значительной

мере — человеческой, существующей в истории, и наряду с «Церковью-организмом». «Церковь-организм» в её вечном и Божественном измерении у М. А. Новосёлова не совпадает с «Церковью-организацией», обусловленной историческими и культурными условиями её жизни. Они не тождественны друг другу, но соединены. Тип их соединения определён терминами из Халкидонского догмата: они не слиянны и неразлучны (Новосёлов 1994: 252, 254). Излагая своё богословское мнение о Церкви в «Письмах», М. А. Новосёлов опирался на богословие епископа Антиохийского священномученика Игнатия (Богососца), преподобного Исаака Сирина, свидетельство митрополита Московского Филарета о «видимой» и «невидимой Церкви» (Новосёлов 1994: 253). Однако основание двух образов существования Церкви у Новосёлова иное, нежели у «видимой» и «невидимой» Церкви. Так, причастность христианина «Церкви-организму» определяется его боговедением. Мистическая жизнь и высокая нравственность аккумулируются и проявляются в духовном опыте, который, по М. А. Новосёлову, и есть боговедение. Входящие в «Церковь-организм» действительно причащаются Телу и Крови. Находящиеся в «Церкви-организации» (миряне и даже епископы) могут и не знать — в своей духовной неподвижности, — что не входят в истинную Церковь. Христианину из «Церкви-организации» открыт переход в «Церковь-организм» при условии его духовного соответствия. Здесь проглядывает отсыл к мнению, что не всякий причащающийся получает в Причастии пользу, но достойный его. Не противоречил ли новосёловский образ двухсоставной Церкви святоотеческому преданию о том, что причащающийся становится (вместе с другими причастившимися) Телом Христовым и что Христос восполняет Своей благодатью недостойнство причащающегося? Ответ в том, что для Новосёлова нравственное совершенствование по-прежнему имело большое значение. Соединённое со стремлением к богопознанию, оно определяло духовность, касалось ли это мирянина, протоиерея или епископа (истинное епископство Новосёлов коррелировал с этой, им определяемой, духовностью). Христианин, допускавший безнравственные поступки, не обладал боговедением. В позднейшие годы М. А. Новосёлов сохранил толстовское отношение к современной ему иерархии как к чиновникам духовного ведомства, он ставил старчество выше учительного авторитета епископов.

М. А. Новосёлов в 1890-х годах упорно изживал в себе последователя Л. Н. Толстого, пересматривая те доминанты, которые были важны для него в толстовстве, посвящал им выпуски своей «Религиозно-философской

библиотеки», в которых предлагал читателю смотреть на них через призму святоотеческого опыта мистического богопознания. Иногда это походило на затянувшийся односторонний разговор М. А. Новосёлова с Л. Н. Толстым. Выбор мистического богопознания, т. е. познания истины в процессе особого, духовного опыта соприкосновения человека с Богом, когда Сам Бог открывается человеку в ответ на его веру, в последующем сопровождал его богословие. Признавая значение Л. Н. Толстого как мыслителя, М. А. Новосёлов сохранял веру в постулат личного нравственного усовершенствования, но соединил его с боговедением, приобретённым на пути веры и молитвы. Его первая книга была названа им соответственно: «Забывтый путь опытного богопознания: в связи с вопросом о характере православной миссии». Её автор уже в 1901 году стоял на позиции тех, кто, уча других, сам является членом церковного организма, частью мистического Тела Церкви и своё знание об учении Христа почерпает там.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Агарин Е. В. Толстовство и толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России: дис. ... канд. ист. наук. — Н.-Новгород, 2016. — 373 с.

Ардов М. Отблеск серебряного века // Новый мир. — 2008. — № 12. — С. 133–143.

Ермилов П. В., священник, Паромов К. Я. Экклезиологические взгляды М. А. Новосёлова: по материалам 1920-х годов // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2019. — № 2 (26). — С. 11–56.

Записки Петербургских Религиозно-философских собраний (1902–1903). — СПб.: АО тип. дела, 1906. — С. 198–199.

Косик О. В. Сборник «Дело митрополита Сергия» и участие в нём мученика Михаила (Новосёлова) // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. — 2009. — № 3–1. — С. 77–95.

Минувшее: Исторический альманах. 15. — М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1994. — 647 с.

Новосёлов М. А. Догмат, этика и мистика в составе христианского вероучения. — М.: печ. А. И. Снегирёвой, 1912. — 70 с.

Новосёлов М. А. Забытый путь опытного богопознания: в связи с вопросом о характере православной миссии. — Вышний Волочёк: тип. В. С. Соколовой, 1902. — 69 с.

Новосёлов М. А. Избранные труды. — Сергиев Посад: Центр изучения наследия священника Павла Флоренского, 2014. — 58 с.

Новосёлов М. А. Открытое письмо графу Л. Н. Толстому от бывшего его единомышленника, по поводу ответа на постановление Святейшего Синода // Миссионерское обозрение. — 1901. — № 5. — С. 823–835.

Новосёлов М. А. Письма к друзьям / подг. Е. С. Полищука. — М.: ПСТБИ, 1994. — 352 с.

Переписка мученика Михаила Новосёлова с Ф. Д. Самариним, 1905–1913 гг. / публ. и коммент. Е. С. Полищука // Богословские труды. — 2013. — Вып. 45. — С. 425–476.

Письма М. А. Новосёлова к Л. Н. Толстому / публ. Е. С. Полищука // Минувшее: Исторический альманах. 15. — М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1994. — С. 371–423.

Полищук Е. С. Михаил Александрович Новосёлов и его «Письма к друзьям» // Письма к друзьям / М. А. Новосёлов. — М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. — С. V–LIII.

Фатеев В. А. Утраченная книга о богословии и философии Ю. Ф. Самарина протоиерея Феодора Андреева // Русско-Византийский вестник. — 2020. — № 1 (3). — С. 204–230.

Сведения об авторе:

Воронцова Ирина Владимировна — кандидат богословия, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 127051, Россия, Москва, Лихов переулок, 6, стр. 1, e-mail: irinavoronc@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.10.2022; одобрена после рецензирования 17.01.2023; принята к публикации 28.02.2023.

I. V. Vorontsova

SAINT TIKHON'S ORTHODOX UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

Mikhail Novoselov in the 1880s–1890s: From Tolstoyan Movement to Mystical Experience of Knowing God

Abstract. Mikhail Aleksandrovich Novoselov belongs to the cultural figures of Russia, whose inquisitive mind, towards the end of the 19th century, sought new meanings in personal and social life amidst the historical and cultural modernization of Russia and later affirmed these meanings within Christianity at the beginning of the 20th century. From a young age, Mikhail Novoselov was acquainted with Leo Tolstoy, getting carried away by the writer's works and teachings, and adopting Tolstoy's method of seeking truth in life as a role model. The history of their relationship was etched in Mikhail Novoselov's letters from the 1880s to 1890s, and his collection of writings, "Letters to Friends", details Mikhail Novoselov's struggle against the Tolstoyan movement. Leo Tolstoy's rational approach to Christianity, though admired by many of his followers and imitators, lacked the depth of thought and fervor for religious faith in the living God. At the same time, both aspects were conveyed to the world by the institutional Christian church, which Leo Tolstoy rejected. Genuine friendly relations linked Mikhail Novoselov and Leo Tolstoy, and even feeling that Novoselov was becoming more distant from him, the writer sought and suggested religious literature to his friend. In 1903, being already a former participant of the Tolstoyan movement,

Mikhail Novoselov definitively severed ties with the person he perceived as his teacher, and embarked on an independent path of knowing God. This journey led him to the Orthodox Church, and he continued guiding others spiritually, who wandered in search of truth during an era when the apologetic paradigm of Russian Orthodoxy was threatened by the pressures of irreligious humanism.

Keywords: Mikhail Novoselov, Tolstoyan movement, Leo Tolstoy, mystical knowledge of God

For citation: Vorontsova, I. V. (2023). Mikhail Novoselov in the 1880s–1890s: From Tolstoyan Movement to Mystical Experience of Knowing God. *Orthodoxia*, (2), 116–135. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-2-116-135

REFERENCES:

Agarin, E. V. (2016). *Tolstovstvo i tolstovskie zemledel'cheskie kolonii v dorevoliutsionnoi Rossii* [Tolstoyism and Tolstoy's Agricultural Colonies in Pre-revolutionary Russia] [Dissertation of Candidate of Historical Sciences]. Nizhny Novgorod. [In Russian].

Ardov, M. (2008). Otblesk serebrianoogo veka [Reflection of the Silver Age]. *Novyi mir*, 12, 133–143. [In Russian].

Ermilov, P. V., priest. Paromov, K. Ia. (2019). Ekkleziologicheskie vzgliady M. A. Novoselova: po materialam 1920-kh godov [Ecclesiological Views of M. A. Novoselov: Based on Materials From the 1920s]. *Vestnik Ekaterin-burgskoi dukhovnoi seminarii*, 26(2), 11–56. [In Russian].

Fateev, V. A. (2020). Utrachennaia kniga o bogoslovii i filosofii Iu. F. Samarina protoiereia Feodora Andreeva [The Lost Book About the Theology and Philosophy of Yu. F. Samarina by Archpriest Theodore Andreev]. *Russko-Vizantiiskii vestnik*, (1), 204–230. [In Russian].

Kosik, O. V. (2009). Sbornik “Delo mitropolita Sergiia” i uchastie v nem muchenika Mikhaila (Novoselova) [Collection “The Case of Metropolitan Sergius” and the Participation of the Martyr Mikhail (Novoselov) in It]. *Vestnik PSTGU. Serii 2: Istorii. Istorii RPTs*, 31, 77–95. [In Russian].

Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. 15. [The Past: Historical Almanac. 15]. (1994). Moscow; Saint Petersburg: Atheneum: Feniks. [In Russian].

Novoselov, M. A. (1901). Otkrytoe pis'mo grafu L. N. Tolstomu ot byv-shego ego edinomyshlennika, po povodu otveta na postanovlenie Svya-

teishego Sinoda [An Open Letter to Count L. N. Tolstoy from His Former Like-Minded Person Regarding the Response to the Resolution of the Holy Synod]. *Missionerskoe obozrenie*, 5, 823–835. [In Russian].

Novoselov, M. A. (1902). *Zabytyi put' opytnogo bogopoznaniia: v sviazi s voprosom o kharaktere pravoslavnoi missii* [The Forgotten Path of Experimental Knowledge of God: In Connection with the Question of the Nature of the Orthodox Mission]. Vyshnii Volochek: tip. V. S. Sokolovoi. [In Russian].

Novoselov, M. A. (1912). *Dogmat, etika i mistika v sostave khristianskogo veroucheniia* [Dogma, Ethics and Mysticism as Part of the Christian Doctrine]. Moscow: pech. A. I. Snegirevoi. [In Russian].

Novoselov, M. A. (1994). *Pis'ma k druž'iam* [Letters to Friends]. Moscow: PSTBI. [In Russian].

Novoselov, M. A. (2014). *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Sergiev Posad : Tsentri izucheniia nasledii sviashch. Pavla Florenskogo. [In Russian].

Perepiska muchenika Mikhaila Novoselova s F. D. Samarinyam, 1905–1913 gg. [Correspondence of the Martyr Mikhail Novoselov with F. D. Samarini, 1905–1913] (2013). *Bogoslovskie trudy*, 45, 425–476. [In Russian].

Pis'ma M. A. Novoselova k L. N. Tolstomu (1994). [Letters from M. A. Novoselov to L. N. Tolstoy] In *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. 15*. [The Past: Historical Almanac. 15] (pp. 371–423). Moscow; Saint Petersburg: Atheneum–Feniks. [In Russian].

Polishchuk, E. S. (1994). Mikhail Aleksandrovich Novoselov i ego "Pis'ma k druž'iam" [Mikhail Aleksandrovich Novoselov and His "Letters to Friends"]. In M. A. Novoselov *Pis'ma k druž'iam* [Letters to Friends]. (pp. V–LIII). Moscow: Izd-vo Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo bogoslovskogo in-ta. [In Russian].

Zapiski Peterburgskikh Religiozno-filosofskikh sobranii (1902–1903) [Notes of the St. Petersburg Religious and Philosophical Meetings (1902–1903)]. (1906). (pp. 198–199). Saint Petersburg: AO tip. dela. [In Russian].

About the author:

Irina Vladimirovna Vorontsova — Candidate of Theology, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Saint Tikhon's Orthodox University, 6, bld 1, Likhov pereulok, Moscow, Russia, 127051, e-mail: irinavoronc@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 02.10.2022; approved after reviewing 17.01.2023; accepted for publication 28.02.2023.